

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8868

СТРУКТУРЫ ИНТЕРАКЦИЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ ДФО РФ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ДОСУГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Д. М. Винокурова¹, Н. Р. Максимов², Цзян Хуа³

¹Институт психологии СВФУ им. М. К. Аммосова
677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

²Департамент по международному сотрудничеству СВФУ
им. М. К. Аммосова.
677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

³Исследовательский институт высшего образования Харбинского
политехнического университета.
КНР, провинция Хэйлунцзян, Харбин, ул. Хидайцу, д. 92

Для цитирования: Винокурова Д. М., Максимов Н. Р., Цзян Хуа. Структуры интеракций китайских студентов в вузах ДФО РФ: образовательно-досуговое пространство // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 41–57. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8868

Аннотация. В статье анализируются социальные траектории с целью выявления дифференцирующих факторов динамической структуры повседневной коммуникации студентов КНР на Дальнем Востоке РФ, на которые влияет их выбор. Эмпирические данные основываются на двух исследованиях, проведённых сотрудниками Института Востока, Исследовательского института высшего образования Харбинского политехнического университета и межфакультетской социологической лаборатории ФЭИ СВФУ в 2017 и 2019 гг. Методологический подход исследования, исходящий из теории социального пространства, позволяет условно выделить образовательное поле и виды соседско-бытовых субполей. В качестве структуры таких полей повседневной коммуникации в иноэтнической среде выделены: длительность пребывания студентов в зависимости от образовательных программ, уровень владения русским языком, место проживания, соседи по комнате в общежитии, уровень материального достатка семьи студентов. Безусловно, ни в коей мере не отрицается, что основной тон в жизнедеятельности студентов задаёт когнитивная среда процесса обучения.

Полученные данные позволяют условно выделить в повседневной внеучебной жизни студентов три вида соседско-бытовых субполей: к первым можно отнести проживающих со своими соотечественниками студентов, часть из которых, быстро адаптировавшись к местным условиям, может испытывать трудности в овладении русским языком – соответственно, и в целом в учёбе. Ко вторым видам могут быть отнесены респонденты, изъявившие желание проживать с представителями местного студенческого сообщества для более тесного контакта с ними с целью лучшего усвоения русского языка. Безусловно, они испытывают трудности на начальном этапе адаптации, что может быть затем компенсировано достижением поставленной цели, хорошим владением русским языком, установкой дружеских отношений, не только с соседями по комнате, и т. п. Третий вид могут формировать те, кто изначально на достаточном уровне овладел русским языком, кто может без проблем общаться и обучаться в России. Они могут проживать как со своими земляками, так и с российскими студентами.

Ключевые слова: сотрудничество РФ и КНР; образовательная миграция; выбор специальности; виды повседневных субполей; культурный капитал; материальный достаток; поликультурная среда

Введение

В докладе общественной палаты РФ от 2007 г. «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее?» были обозначены две ключевые задачи: образование, с одной стороны, рассматривается как фундамент экономики, основанной на знании, с другой – «образование длиною в жизнь» как ресурс креативной личности, готовой к диалогу в форме «сотрудничества и конкуренции». И был сделан прогноз о международной академической мобильности студентов, которая в 2020 г. достигнет 5,8 млн, а к 2025 г. – 8 млн студентов [1].

В марте 2013 г. правительство РФ приняло Постановление «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров», которое нацелено на активизацию работы вузов по привлечению иностранных студентов [2]. Хотя, конечно, это не новое явление – в своё время СССР и США лидировали по привлечению иностранных студентов в свои вузы [8]. А. Л. Арефьев, один из специалистов, который ведёт мониторинг российско-китайского сотрудничества в области образования [1], в 2014 г. в своём интервью в Пекине отметил, что Китай занимает третье место по числу студентов (16 тыс. чел.) очной и заочной форм обучения в России после Казахстана (35 тыс. чел.) и Белоруссии (29 тыс. чел.) [3].

Международное междисциплинарное исследование, направленное на выявление изменений, которые претерпевает высшее образование в странах БРИК, выявило, что за этими изменениями стоят национальные государства, причём РФ и КНР больше, чем Индия и Бразилия, имеют контроль над институциональным развитием вузов, включая частные [7]. КНР делает много для привлечения иностранных студентов, в рамках стратегии «Один пояс, один путь» придерживается «кластеризации» стратегического развития [21; 20].

Как известно, сегодня в потоке реформирования, иерархизации, профилизации вузов государство всё более заинтересовано в инвестициях в образовательную систему со стороны как родителей, так и работодателей. В таких условиях современная высшая школа переживает трансгрессию от «классической миссии профессора» к ситуации стремительного превращения высшей школы в коммерческое предприятие [4]. О замене «живых» лекций на онлайн-курсы, обезличивающие университетскую дидактику, об исчезновении «знаниевого равенства», о «маргинализации фигуры Учителя» пишет А. Ю. Согомонов и ставит вопрос: «И чего при этом будущие поколения студентов лишатся в своём личностном развитии с точки зрения фундаментального значения непосредственного общения с преподавательским составом?». Он обращает внимание на то, что сегодня больше актуализируется овладение «мягкими навыками» (soft skills), чем передача информации студентам [12].

Как может воздействовать на такие вызовы дух университета, о котором в советское время много говорили и писали признанные авторитеты: об особенностях манеры и норм общения, духовной стороне жизни каждой школы, класса,

отличающих их друг от друга. Представление о духе коллектива «эволюционировало» в термин «скрытое учебное содержание», которым пользуются западные специалисты [14]. В КНР, которая привлекает всё больше иностранных студентов из стран, расположенных вдоль «шёлкового пути», становятся приоритетами интернационализация высшего образования, активная работа университетов и колледжей по расширению разнообразия дисциплин, курсов, внедрению инновационных моделей обучения и повышению его качества [22; 23].

Абстрагируясь от непосредственного главного вида деятельности, т. е. более регламентированного процесса – обучения, рассмотрим на эмпирическом материале, как происходит повседневное взаимодействие китайских студентов в образовательном пространстве вузов Дальневосточного федерального округа РФ. Как конструируются их повседневные коммуникативные поля, что находится в основе дифференциаций, какие ресурсы могут быть при этом задействованы и др.

Методология и методы исследования

В модели нашего анализа используются элементы системного анализа и идеи, разработанные П. Бурдьё, об учёте «стратегий, интересов и борьбы», детерминированных габитусом индивидов в повседневности в определённом социальном поле. Исходным пунктом будет повседневное взаимодействие акторов как в образовательном, так и соседско-бытовом полях. Притом поле, в понимании П. Бурдьё, имеет ту или иную степень автономии, которая позволяет сохранять собственные критерии оценки [6]. Цитируя идею Н. Флигстина и П. Макадама, но переводя её на повседневную сферу, можно отметить, что иностранные студенты формируют мультикультурные поля в своей повседневной жизни. В этих полях идут пересечения интеракций – «социальное пространство, где общие правила ещё не существуют, но где акторы в силу своих интересов вынуждены учитывать наличие друг друга в собственных действиях» [9, с. 17]. Выражаясь по-другому, отношение к окружению, себе и ситуации [19].

Согласно Н. Луману, сфера образования является функциональной подсистемой общества, разрабатывающей свои правила и нормы, которые регулируют возможности / ограничения, позиции акторов и т. п. [8]. Значит, такие нормы и правила, которые, как известно, постоянно изменяются, можно рассматривать как динамичную структуру для акторов, осуществляющих интеракцию в данной образовательной подсистеме и способствующих, в свою очередь, формированию габитуса студентов, их коммуникативных навыков, картины своего будущего и т. п. Акторы, согласно Р. Жепперсону, эти правила из абстракций превращают в конституирующие элементы повторяющихся моделей взаимодействия в пространстве полей, таким образом участвуя в процессе институционализации [15]. М. Эмирбайер и Э. Мише вводят в определение деятельности «структурное окружение» как среду, в которой акторы взаимодействуют [17]. Притом окружаю-

щая обстановка служит для креативного реагирования акторов на неожиданные изменения, способствуя применению новых способов действия, хотя эта идея берет своё начало в бихевиоризме.

Для анализа в эмпирической части статьи используются данные двух исследований на темы: «Студенты из КНР в вузах Сибири и Дальнего Востока: мнение об образовании в России» (N = 438) и «Культурная “слепота” и эффективность повседневной коммуникации иностранных студентов в СВФУ» (N = 150). Первое исследование было проведено в марте – июне 2017 г. Второе пилотное исследование было проведено в феврале – июне 2019 г. в г. Якутске.

В исследовании «Студенты из КНР в вузах Сибири и Дальнего Востока: мнение об образовании в России» вузы были отобраны по принципу добровольного согласия их руководителей принять участие в данном исследовании. Генеральная совокупность составила 1805 студентов из КНР в обследованных 12 вузах по состоянию на 01.01.2017. Выборочная совокупность для каждого вуза определялась в зависимости от численности китайских студентов. Квотная выборка была рассчитана на основе учёта структуры генеральной совокупности по следующим признакам: профиль обучения (технический/гуманитарный и социальный/естественный), программа обучения (бакалавр/магистр/аспирант/другие), курс (год) обучения. Методом целевого отбора было опрошено 438 студентов из КНР, обучающихся в 12 вузах в девяти городах: Барнаул, Биробиджан, Благовещенск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Новосибирск, Хабаровск, Чита, Якутск.

Таблица 1

Ответы на открытый вопрос о названии специальности, по которой респонденты обучаются, 2017 г., %

№	Название специальности, указанной респондентом	Количество упоминаний	Доля респондентов
1	Русский язык и литература, филология, лингвистика, языковые курсы	226	51,6
2	Экономика, финансы, коммерция, менеджмент, маркетинг, управление, международный менеджмент, мировая экономика	68	15,5
3	Социально-гуманитарные науки, история, политология, психология	31	7,2
4	Культура и искусство (вокал, балет, музыкальные инструменты, режиссура, дизайн)	23	5,2
5	Технические науки (промышленность, инженерия, строительство, механика, техника, технология)	15	3,4
6	Подготовительный факультет	7	1,6
7	Не указали / нет ответа	68	15,5
Итого		438	100

Как видно из ответов попавших в выборку студентов из КНР, большинство из них обучаются по специальностям русского языка и литературы и социально-гуманитарным направлениям (см. табл.1). Значит, эта доля студентов, попавшая в выборку, активно интересуется русским языком и культурой, которые могут влиять на их стиль общения в повседневности.

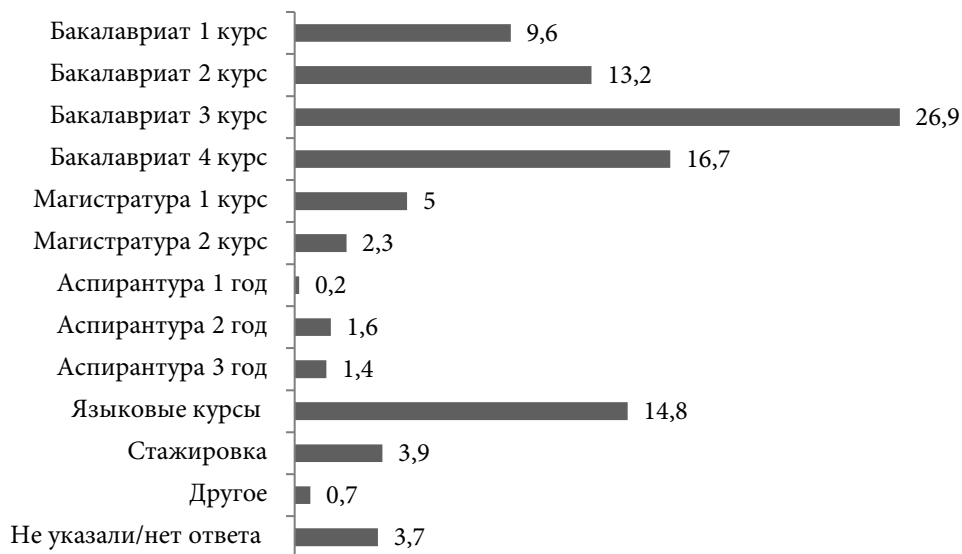

Рис. 1. Распределение респондентов по образовательным программам и курсам, 2017 г., %

При этом доминируют студенты бакалаврского уровня подготовки, среди которых больше четверти выборки третьекурсники, которые, очевидно, поступили в 2014 г. в вузы ДВ РФ. Курс обучения – показатель длительности пребывания студентов в местах обучения (см. рис. 1). Итак, каждый третий студент, включая магистрантов и аспирантов, попавших в выборку, живёт на Дальнем Востоке России от одного до трёх с лишним лет, около четырёх и более лет – бакалавры (43,6%). В выборку попали 57,1% молодых людей, 40,6% девушек, 2,3% не указали свой пол. По возрасту следующее распределение: 21–25-летние (75,8%); до 20 лет (16,2%); 26 лет и старше (5,7%); 2,3% не указали свой возраст. Большинство студентов холостые/незамужние (89%), в браке (официальном/гражданском) состоят 7% попавших в выборку студентов. Почти каждый второй студент – единственный ребёнок в семье (57,1%), имеют сестер/братьев 39,3% студентов; остальные 3,7% опрошенных не указали подобные сведения о себе.

Если посмотреть на места локализации студентов на Дальнем Востоке РФ, то в Хабаровске (29,9%) и Владивостоке (21,0%) их больше, чем в остальных городах, в сумме это каждый второй из попавших в выборку китайских студентов (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение респондентов по вузам и городам Сибири и Дальнего Востока России, 2017 г., %

Анкета состоит из 69 вопросов, разделённых на блоки: образование в КНР; образование в РФ; адаптация в российском вузе; удовлетворённость качеством образования и будущее трудоустройство; досуг, общение, быт; «паспортичка». Для обработки данных использовалось программное приложение IBM SPSS Statistics 22.

Результаты и обсуждение

Прежде чем начать анализ полученных данных, определимся с представлением о повседневной интеракции опрошенных студентов, которую можно разделить на слои: образовательные и соседско-бытовые. Мы исходим из того, что повседневные соседско-бытовые взаимоотношения иностранных студентов образуют непосредственное специфическое поликультурное субполе, отличающееся от образовательного поля. Можно отметить, что в образовательном поле, с одной стороны, доминирует когнитивная направленность в коммуникации студентов. Значит, больше задействуются их когнитивные навыки и умения. С другой стороны, оно регламентируется формализованными правилами и нормами, которые требуется соблюдать, корректировать своё поведение в соответствии с ними, менять отношение к той или иной области знаний и т. п.

Во внеучебном пространстве, к примеру в соседско-бытовом студенческом субполе, писанные правила отсутствуют или их не так много, поэтому больше возможностей у каждого принять/отклонить коммуникацию. Здесь индивидуальные

особенности студента проявляются наиболее многосторонне, он может самостоятельно задействовать свой опыт, навыки, свой габитус, то есть свою систему производства практик и схемы восприятия и оценивания.

Безусловно, «топология» такого социального пространства, в котором пребывают студенты из КНР, многомерна, мы рассмотрим лишь несколько индикаторов. Какие ресурсы в наибольшей степени задействуются у студентов, находящаяся в инокультурной среде, ведущих самостоятельный стиль жизни вдали от своей семьи? Иначе говоря, чем определяется, точнее — как упорядочивается повседневная коммуникация, какие связи устанавливаются у прибывших на Дальний Восток опрошенных студентов из КНР.

Наиболее очевидно, это временной интервал, который студент проведёт в стране с другой культурой, верой, языком и т. п. [18]. Так, в образовательной интеракции решающим её длительность является выбор абитуриентом программы обучения. Значит, и повседневное взаимодействие структурируется, «упорядочивается» временем пребывания в нём. А для иностранных студентов «время пребывания» в той или иной стране к тому же легитимирует их статус (см. рис. 3). Нельзя сбрасывать со счетов и то, что время — это показатель степени приспособления студента к местным условиям, в которой задействуются три основные измерения деятельности — итерационное, проективное и практико-оценочное, по М. Эмирбайеру и Э. Мише [17].

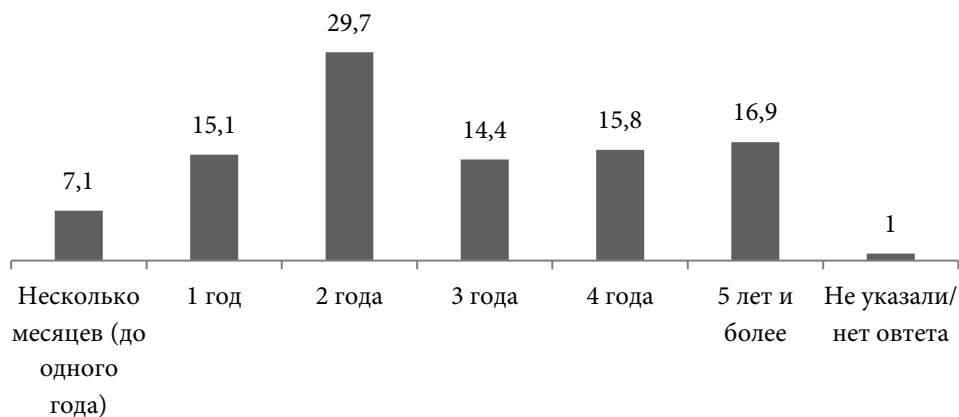

Рис. 3. Длительность пребывания на Дальнем Востоке РФ респондентов на момент опроса, 2017 г., %

Ещё более дифференцирующими факторами в повседневной интеракции являются место и те люди, с которыми проживают китайские студенты (см. рис. 4); уровень владения русским языком, который определяет не только успешность обучения, но и тесноту повседневного общения с местными студентами (см. рис. 5); материальное положение семей респондентов, которое можно рассматривать как один из видов капитала, на основе которого они распределены в этом обра-

зовательном пространстве, а также культурный и символический капитал (см. рис. 6). Притом символический капитал, по мнению П. Бурдьё, появляется тогда, когда первые два становятся известными и признанными. И от себя добавим, что эти виды капиталов задействуются в формировании соседско-бытовых полей [5]. Притом, не упуская из вида идеи о деятельности М. Эмирбайер и Э. Мише, которые предложили объединить понятия рутина, субъективная интенция и суждение в одном его определении — как способность контекстуализировать прошлые привычки и будущие проекты в непредвиденных обстоятельствах, как встроенные во времени процессы [17].

Из данных рис. 3 видно, что каждый второй респондент в той или иной степени находится на стадии приспособления к условиям мест прибытия и обучения, пребывая там до двух лет (51,9%). Остальных респондентов (47,1%) можно считать более адаптировавшимися в местах локализации. Большинство респондентов (75%) ответили, что привыкали «недолго и достаточно легко» к новой студенческой жизни в России, а «привыкала долго и трудно» малая доля студентов (10%). Здесь можно предположить, что если индивид прибывает в определённое время и с определённой целью на новое место жительства, в данном случае — на обучение, то ему легче приспособиться к «известным» обстоятельствам, нежели тем, кто всё «начинает» в условиях неопределённости. Притом почти каждый второй опрошенный оценил уровень владения русским языком так: «могу объясняться на простые темы, владею разговорным/бытовым языком» (53,7%); свободно владеют языком, то есть разговаривают, читают и пишут 7,5%. Конечно, помимо всех других условий, иностранец может поддерживать коммуникацию, основываясь на знании и ресурсах языка.

Рис. 4. Факторы, препятствующие общению респондентов с местными студентами, 2017 г., %

Коммуникация может состояться при условии, если она основывается на общих культурных ресурсах в схожих социальных ситуациях. Притом то, о чём идёт речь, должно стать очевидным для всех, когда общающиеся индивиды го-

ворят на одном языке, но являются представителями разных культур. Значит, могут возникать гибридные организационные формы, которые могут отражать конкретные локальные формы адаптации [16]. Значит, достаточное владение языком и знание культурных особенностей носителей данного языка могут стать знаком различия для тех, кто в достаточной/недостаточной степени им владеет. Из приведённых на рис. 4 данных видно, что хотя на предыдущий вопрос каждый второй ответил, что знает русский язык «на бытовом уровне», тем не менее 52,6% опрошенных студентов испытывают трудности при общении с представителями местного сообщества.

В чём конкретно ощущают затруднение иностранные студенты при изучении русского языка? Этот специальный вопрос был задан в пилотном исследовании «Культурная “слепота” и эффективность повседневной коммуникации иностранных студентов в СВФУ» в 2019 г. (N = 150). Распределение ответов следующее: «русский язык для меня сложный, особенно грамматика мне трудно даётся» (40,7%); «много приходится запоминать наизусть слов и правил, я просто не успеваю» (26,0%); «все говорят очень быстро, я не успеваю понимать, но когда пишут, я всё понимаю» (16,0%); «во время занятий не понимаю, что говорит преподаватель, мне трудно понять устную речь» (15,3%); «затруднений не испытываю» (12%).

Не меньшее значение имеет место проживания китайских студентов в общежитиях вузов ДВ РФ (см. рис. 5).

Рис. 5. Места проживания респондентов на момент опроса, 2019 г., %

Большинство попавших в нашу выборку студентов ответили, что они живут в общежитии «в комнате с китайцами» (68,7%), менее четверти проживают «с русскими студентами» (23,5%). Поэтому был задан вопрос: «Как Вы считаете, если Вас окружает много ваших земляков (китайцев), как это влияет на вашу учёбу в России?». Почти каждый второй респондент ответил, что это «хорошо и плохо одновременно», так как мешает овладению русским языком; каждый четвёртый считает, что это облегчает его пребывание в России: «я нахожусь среди своих». 7,8% свободно владеющих русским языком студентов ожидаемо отметили, что им всё равно и учёба им легко даётся. Есть и противники такой модели заселения, они считают: «зачем приезжать в Россию, чтобы быть “как в Китае”, это мне мешает» (10,3%). Как было выше указано, такая же доля респондентов «привыкала долго и трудно» к новым условиям жизни.

На ДВ РФ студенты прибыли продолжить обучаться по той же специальности, по которой они учились в КНР (43,2%), по «схожей/смежной специальности» обучаются 15,5% респондентов. Выходит, что почти каждый второй респондент продолжает своё обучение по раннее выбранной специальности.

Выбор специальности, конечно, сегодня не сравнить с тем, как это происходило в прошлом веке. Текущая современность, по З. Бауману, и здесь внесла коррективы. С одной стороны, ускорились смена, обновление профессий, специальностей, квалификаций — одни устаревают, другие появляются — в связи с широким применением цифровых технологий как в профессиональной сфере. С другой стороны, в постоянном изменении находится пропорция между сферами экономики, а значит — сфера занятости, которая к тому же сокращается. Как опрошенные студенты объясняют выбор своей специальности? В ответах респондентов отмечаются как субъективные, так и объективные факторы:

а) учёт личностных склонностей: «я всегда мечтал именно об этой специальности» (15,5%); «данная специальность наиболее подходит моим способностям и знаниям» (20,1); «привлекает творческий характер специальности» (2,5%). Суммарно доля таких ответов занимает первое место и составляет 38,1%;

б) учёт прагматических перспектив: «престижность и перспективность данной специальности» (13,2); «эта специальность всегда высоко оплачивается» (3,2%); «по данной специальности будет легко трудоустроиться в будущем» (9,4%). Суммарно доля таких ответов занимает второе место и составляет 25,8%;

в) учёт объективных обстоятельств: «просто меня направили учиться именно по этой специальности, у меня не было выбора» (13,8%); «я приехал учиться по гранту на эту специальность» (0,9%); «по этой специальности был наименьший конкурс при поступлении» (1,9%). Суммарно доля таких ответов занимает четвёртое место и составляет 16,6%;

г) стечение обстоятельств: «выбрал эту специальность случайно, так получилось» (18%), этот фактор занимает третье место;

д) «перекладывание» решения о выборе на семью: эту специальность посоветовали мои родители, семейная традиция (13,5%). [13].

Структура пяти суммированных долей ответов респондентов, объясняющих выбор специальности, красноречиво говорит о том, как возрастает сложность организации профессиональной деятельности и как на это приходится реагировать будущему поколению специалистов.

Рис. 6. Оценка респондентами материального уровня жизни своей семьи, 2019 г., %

Из данных рис. 6 видно, что большинство опрошенных студентов по четырёхбалльной шкале оценили материальный достаток своей семьи как «средний» (67%). Каково распределение источников финансирования обучения респондентов на ДВ РФ? Большинство респондентов отметило, что их образование оплачивает семья (84,7%); также оплата происходит по договору о межвузовском академическом обмене (5,5%) и грантовой поддержке (5,3%), и совсем малую долю оплачивает Министерство образования КНР (1,6%).

Если посмотреть, чьё образование на ДВ РФ оплачивает Министерство образования КНР, то это те, кто оценил материальный достаток как «средний» (71,4%), «ниже среднего» и «низкий» (по 14,3%). А грантовой поддержкой поль-

зуются те, у кого «высокий» материальный достаток (4,3%), «средний» (78,3%), «ниже среднего» (17,4%). Структура семейной инвестиции следующая: «высокий» материальный достаток (17%); «средний» (66,3%); «ниже среднего» (10,5%) и «низкий» (3,2%).

Заключение

На момент проведения исследования на Дальнем Востоке России прибыло большинство студентов, которые оценили материальный достаток своей семьи как средний, их обучение как в КНР, так и РФ оплачивают родители. В КНР бесплатно обучались 10% респондентов, почти такая же доля обучается бесплатно в РФ, получая оплату из разных источников (12,9%). До прибытия на Дальний Восток почти каждый третий опрошенный студент окончил бакалавриат, остальные поступили учиться после завершения среднего уровня образования.

На Дальний Восток студенты прибыли в основном для продолжения обучения по той же специальности, по которой они учились в КНР (43,2%), и по «схожей/смежной специальности» (15,5%). Значит, почти каждый второй респондент продолжает своё образование по ранее выбранному профилю подготовки. Притом по гуманитарному направлению обучается почти каждый третий респондент; на языковые курсы прибыли, в том числе для стажировки, 47% студентов.

Основываясь на теории социального пространства, можно условно выделить образовательное поле, строго регламентированное правилами и нормами, которые легитимированы официальными документами. И есть другая сфера повседневной внеучебной жизни студентов, которая менее регламентирована, которую можно выделить как соседско-бытовые субполя, где у студентов более широкая траектория действия. В качестве структуры таких полей повседневной коммуникации можно выделить: длительность пребывания студентов в зависимости от образовательных программ, уровень владения русским языком, место проживания и соседи по комнате в общежитии и материальное положение семей студентов.

Исходя из приведённых данных, можно предположить, что респонденты формируют разные виды соседско-бытовых субполей: к первым можно отнести проживающих со своими соотечественниками студентов, часть из которых, быстро адаптировавшись к местным условиям, может испытывать трудности в овладении русским языком — соответственно, и в целом в учёбе. Можно предположить, что они больше учитывают при выборе соседей по комнате в общежитии собственный уровень владения русским языком.

Ко второму виду могут быть отнесены студенты, изъявившие желание проживать с представителями местного студенческого сообщества для более тесного контакта с ними с целью лучшего усвоения русского языка. Безусловно, они испытывают трудности на начальном этапе адаптации, что затем может быть компенсировано достижением поставленной цели.

Третий вид субполей могут формировать те, кто изначально на достаточном уровне овладел русским языком, который позволяет им без проблем общаться и обучаться в России. Они могут проживать как со своими земляками, так и с российскими студентами.

Список литературы

1. *Арефьев А. Л.* Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 54–66.
2. *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э.* Иностранцы студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов / Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований. 2014. URL: https://stop100.ru/upload/iblock/be8/inostrannye_stydeny.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
3. *Арефьев А. Л.* В 2015 году в России будет учиться ещё больше китайских студентов. Интервью журналу Министерства просвещения КНР «Мировое образование» // Министерство науки и образования Российской Федерации: [сайт]. URL: https://stop100.ru/news/12982/?sphrase_id=14647 (дата обращения: 23.12.2020).
4. *Бакитановский В. И.* Предисловие редактора // Ведомости прикладной этики. 2018. Вып. 51. Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. С. 6–8.
5. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
6. *Бурдые П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 208–221.
7. *Ларин А. Г.* Китайская образовательная миграция в России: невесёлая картина // Общество и государство в Китае. 2012. № 42. С. 285–289.
8. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей системы / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука, 2007. 641 с.
9. *Масловский М. В.* Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии // Социологические исследования. 2016. № 7 (387). С. 11–18.
10. Массовое высшее образование. Триумф БРИК? / М. Карной [и др.]; пер. с англ. М. С. Добряковой, Л. Ф. Пирожковой; под науч. ред. перевода М. С. Добряковой. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. 525 с.
11. Общественная палата РФ. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее? Доклад общественной палаты Российской Федерации. Москва 2007 г. // Вопросы образования. 2007. № 4. С. 1–103.
12. *Согомонов А. Ю.* «Устойчивый университет» (инновации, постуниверситет, этика) // Ведомости прикладной этики. 2018. Вып. 51. Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. С. 112–126.

13. Федосов Е. А. Китайский студент в Томском государственном университете: ценности, мотивации, бытовая адаптация // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 128–133.
14. Фрумин И. Д. Тайны школы: заметки о контекстах: монография. Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 1999. 250 с.
15. Jepperson R. Institutions, institutional effects, and institutionalization. The New Institutionalism in Organizational Theory. Chicago, in W. Powell and P. DiMaggio (ed.) II.: University of Chicago Press. 1991. P. 143–163.
16. Çakmaklı, Anıl Divarçı, Boone Ch., Arjen van Witteloostuijn. When does globalization lead to local adaptation? The emergence of hybrid Islamic schools in Turkey, 1985–2007 // American Journal of Sociology. 2017. Vol. 122, № 6. P. 1822–1868.
17. Emirbayer M., Mishe A. What is Agency // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, P. 962–1023.
18. Kagan Henya, Jo Cohen. Cultural adjustment of international students // Psychological Science. 1990. № 2. P. 133–137.
19. 陈慧 留学生中国社会文化适应性的社会心理研究/北京师范大学学报(社会科学版) 2003年第6期(总第180期) 北京师范大学心理学院, 北京100875 135–142 页
Chen Hui. Socio-psychological research on the social and cultural adaptation of foreign students in China // Beijing Educational University. 2003. № 6 (general № 180). P. 135–142.
20. 陈强, 文雯, “一带一路”倡议下来华留学生教育:使命、挑战和对策/ 高校教育管理, 第12卷第3期 2018年5月 “一带一路”与高等教育。
Chen Qiang, Wen Wen. China's Belt and Road Initiative in relation to the education of foreign students: challenges, problems and alternatives // Higher Education Management Journal. 2018. Vol. 12, № 3 May. P. 28–33.
21. 陈丽伊莉曼艾孜买提, “一带一路”沿线国家来华留学教育近10年发展变化与策略研究/比较教育研究 2016年第10期(总第321期) 27–36 页。
Chen Li, Yiliman Ai-zi-mai-ti. Study on the Development and Strategies for the Education of Students' from Countries along 'the Belt and Road' in China In Recent Decade // International and Comparative Education Journal. 2016. № 10 (common number 321). P. 27–36.
22. 方宝, 武毅英, 高等教育来华留学生的变化趋势研究 一基于近十五年统计数据的分析/高等教育研究 第39卷第2期, 2016年2月19–30 页。
Fan Bao, Wu Ying. A study of trends in overseas Chinese students in higher education. Analysis based on statistical data over the past 15 years // Journal of Higher Education. 2016. February. P. 19–30.
23. 郑刚, 马乐, “一带一路”战略与来华留学生教育:基于2004–2014的数据分析/ 教育与经济 2016年第4期 77–82 页 (华中师范大学教育学院湖北武汉430079)
Zheng Gang, Ma Le. China's silk road initiative and the education of chinese foreign students: an analysis based on data from 2004–2014 // Journal of Education and Economics. 2016. № 4. P. 77–82.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Винокурова Декабрина Михайловна, кандидат социологических наук, Институт психологии СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: dorofdm1@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 606609

Максимов Нюргун Романович, директор департамента, проректор по международному сотрудничеству СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: nr.maximov@s-vfu.ru

Цзян Хуа, PhD, профессор, директор, Исследовательский институт высшего образования Харбинского политехнического университета, Харбин, КНР.

E-mail: hjjiang@hit.edu.cn

Дата поступления в редакцию: 25.09.2021. Принята к печати: 13.11.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8868

Structures of Chinese Students Interactions in Universities of the Far Eastern Federal District of The Russian Federation: Educational and Leisure Space

Dekabrina M. Vinokurova¹, Nyurgun R. Maximov², Hua Jiang³

¹Department of Psychology and Social Sciences, Ammosov NEFU Institute of Psychology, 42, Kulakovskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

²Department for International Cooperation, Ammosov NEFU, 42, Kulakovskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

³Higher Education Research Institute, Harbin Institute of Technology, 92, Xidazhi St., Harbin, Heilongjiang, China, 150001

For citation: Vinokurova D. M., Maximov N. R., Hua Jiang (2022). Structures of Chinese Students Interactions in Universities of the Far Eastern Federal District of The Russian Federation: Educational and Leisure Space. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 10, № 1. P. 41–57. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8868

Abstract. The article analyzes the everyday communication of Chinese students in the Far East of the Russian Federation. The empirical data are based on two studies conducted by the staff of the Institute of the East, Higher Education Research Institute of Harbin Institute of Technology and the Interdepartmental sociological laboratory of The Institute of Finances and Economics of North-Eastern Federal University in 2017 and 2019. The methodological approach of the research, based on the theory of social space, allows us to conventionally distinguish the educational field and types of neighborhood subfields. As a structure of such fields of everyday communication in a foreign ethnic environment, the following are identified: the duration of students' stay depending on educational programs, the level of Russian language proficiency, place of residence, roommates in a dormitory, the level of material well-being of the students' family. Of course, it is by no means denied that the main tone in the life of students is set by the cognitive environment of the learning process.

The data obtained make it possible to conditionally distinguish three types of neighborhood-household subfields in the everyday extra-curricular life of students: the first can be attributed to students living with their compatriots, some of whom, having quickly adapted to local conditions, may experience difficulties in mastering the Russian language, respectively, and in general in study. The second type may include respondents who have expressed a desire to live with representatives of the local student community for closer contact with them in order to better master the Russian language. Of course, they experience difficulties at the initial stage of adaptation, which can then be compensated for by the achievement of the set goal, good command of the Russian language, the establishment of

friendly relations, not only with roommates, etc. The third type can be formed by those who initially have mastered the Russian language at a sufficient level, who can communicate and study in Russia without any problems. They can live both with their fellow countrymen and with Russian students. It is necessary to urgently transfer this painted part of the Annotation.

Keywords: cooperation; Russian Federation; PRC, educational migration; choice of specialty; types of everyday subfields; cultural capital; material wealth; multicultural environment

REFERENCES

1. Aref'ev A. L. (2010). Kitajskie studenty v Rossii. [Chinese students in Russia]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. № 12. P. 54–66. (In Russ.).
2. Aref'ev A. L., SHeregi F. E. (2014). *Inostrannye studenty v rossijskikh vuzakh. Razdel pervyj: Rossiya na mezhdunarodnom rynke obrazovaniya. Razdel vtoroj: Formirovanie kontingenta inostrannykh studentov dlya rossijskikh vuzov*. [Foreign students in Russian universities. Section one: Russia in the international education market. Section two: Formation of a contingent of foreign students for Russian universities]. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. M.: Centr sotsiologicheskikh issledovanij publ. URL: https://5top100.ru/upload/iblock/be8/inostrannye_stydeny.pdf (data obrashcheniya: 13.11.2020). (In Russ.).
3. Aref'ev A. L. (2014). «V 2015 godu v Rossii budet učit'sya eshche bol'she kitajskih studentov» Interv'yū zhurnalu Ministerstva prosveshcheniya KNR «Mirovoe obrazovanie». [In 2015, even more Chinese students will study in Russia. Interview to the journal of the Ministry of Education of the People's Republic of China «World Education»]. Ministerstvo nauki i obrazovaniya RF. URL: https://5top100.ru/news/12982/?sphrase_id=14647 (data obrashcheniya: 23.12.2020). (In Russ.).
4. Bakshtanovskij V. I. (2018). Predislovie redaktora. [Editor's preface]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. Vyp. 51. P. 6–8. (In Russ.).
5. Burd'e P. (1994). Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'. [Social Space and Symbolic Power]. *Nachala. Choses dites*. Per. s frants. N. A. SHmatko. M.: Socio-Logos publ. P. 181–207. (In Russ.).
6. Burd'e P. (1994). Pole intellektual'noj deyatelnosti kak osobyj mir. [The field of intellectual activity as a special world]. *Nachala. Choses dites*. Per. s frants. N. A. SHmatko. M.: Socio-Logos publ. P. 208–221. (In Russ.).
7. Larin A. G. (2012). Kitajskaya obrazovatel'naya migraciya v Rossii: neveselaya kartina. [Chinese educational migration in Russia: a sad picture]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. № 42. P. 285–289. (In Russ.).
8. Luman N. (2007). *Social'nye sistemy. Oчерk obshchej sistemy*. [Social systems. Outline of the general system]. Per. s nem. I. D. Gazieva; ed. by N. A. Golovina. SPb.: Nauka publ. 641 p. (In Russ.).
9. Maslovskij M. V. (2016). Mezkul'turnoe vzaimodejstvie i sotsial'nye polya: novye teoreticheskie podkhody v evropejskoj i amerikanskoj sotsiologii. [Intercultural interaction and social fields: new theoretical approaches in European and American sociology]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*. № 7 (387). P. 11–18. (In Russ.).
10. *Massovoe vysshee obrazovanie. Triumf BRIK?* (2014). [Mass higher education. Triumph BRICK?]. Per. s angl. M. S. Dobryakovoj, L. F. Pirozhkovoju. M.: Izd. dom NIU VSHE, 2014. 525 p. (In Russ.).
11. *Obshchestvennaya palata RF. Obrazovanie i obshchestvo: gotova li Rossiya investirovat' v svoe budushee? Doklad obshchestvennoj palaty Rossijskoj Federatsii. Moskva 2007 g.* [Public Chamber of the Russian Federation. Education and society: Is Russia ready to invest in its future? Report of the Public Chamber of the Russian Federation. Moscow 2007]. *Voprosy obrazovaniya*. № 4. P.1–103. (In Russ.).
12. Sogomonov A. Yu. (2018). «Ustojchivij universitet» (innovatii, postuniversitet, etika). [“Sustainable University” (innovation, post-university, ethics)]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. Vyp. 51. P. 112–126. (In Russ.).

13. Fedosov E. A. (2015). Kitajskij student v Tomskom gosudarstvennom universitete: tsennosti, motivatsii, bytovaya adaptatsiya. Chinese student at Tomsk State University: values, motivations, everyday adaptation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 5 (37). P. 128–133. (In Russ.).
14. Frumin I. D. (1999). Tajny shkoly: zametki o kontekstah. [Secrets of the School: notes on contexts]. Krasnoyarskij gos. un-t. Krasnoyarsk publ. 250 p. (In Russ.).
15. Jepperson R. (1991). Institutions, institutional effects, and institutionalization. *The New Institutionalism in Organizational Theory*. W. Powell and P. DiMaggio (ed.) II. University of Chicago Press. P. 143–163.
16. Çakmaklı, Anıl Divarçı, Christophe Boone, and Arjen van Witteloostuijn. (2017). When does globalization lead to local adaptation? The emergence of hybrid Islamic schools in Turkey, 1985–2007. *American Journal of Sociology*. Vol 122, № 6. P. 1822–1868.
17. Emirbayer M., Mishe A. (1997). What is 'Agency'. *American Journal of Sociology*. Vol. 103, P. 962–1023.
18. Kagan Henya, Jo Cohen. (1990). Cultural adjustment of international students. *Psychological Science*. № 2. P. 133–137
19. Chen Hui. (2003). Socio-psychological research on the social and cultural adaptation of foreign students in China. *Beijing Educational University*. № 6. P. 135–142.
20. Chen Qiang, Wen Wen. (2018). China's Belt and Road Initiative in relation to the education of foreign students: challenges, problems and alternatives. *Higher Education Management Journal*. Vol. 12, № 3 May. P. 28–33.
21. Chen Li, Yiliman·Ai·zi·mai·ti. (2016). Study on the development and strategies for the education of students' from countries along 'the Belt and Road' in China in Recent Decade. *International and Comparative Education Journal*. № 10. P. 27–36.
22. Fan Bao, Wu Ying. (2016). A study of trends in overseas Chinese students in higher education. Analysis based on statistical data over the past 15 years. *Journal of Higher Education*. February. P. 19–30.
23. Zheng Gang, Ma Le. (2016). China's silk road initiative and the education of Chinese foreign students: an analysis based on data from 2004–2014. *Journal of Education and Economics*. № 4. P. 77–82.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinokurova Dekabrina Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Ammosov NEFU Institute of Psychology, Yakutsk, Russia.

E-mail: dorofdm1@yandex.ru

ORCID ID0000-0002-7985-4134

ResearcherId: AAO-5409-2020

Scopus AuthorID: 57195511680

Maximov Nyurgun Romanovich, Director of the Department, Vice-Rector for International Cooperation Ammosov NEFU International Office, Yakutsk, Russia.

E-mail: nr.maximov@s-vfu.ru

Hua Jiang, PhD, Professor, Director, Higher Education Research Institute, Harbin Institute of Technology, Harbin, Heilongjiang, China.

E-mail: hjjiang@hit.edu.cn

The article was submitted on September 25, 2021. Accepted on November 13, 2021.